

НИКОЛАЙ
УСПЕНСКИЙ

ИЗДАЛЕКА
И ВБЛИЗИ

Москва
T8 RUGRAM
2018

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
У77

Успенский, Н.В.

У77 Издалека и вблизи / Н.В. Успенский. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2018. — 192 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-517-00166-5

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Николая Васильевича Успенского «Издалека и вблизи».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-00166-5

© Т8 RUGRAM, оформление, 2018
© Т8 Издательские технологии, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗДАЛЕКА И ВБЛИЗИ	5
ЕГОРКА-ПАСТУХ	123

ИЗДАЛЕКА И ВБЛИЗИ

I. ГРАФ

Верстах в пятнадцати от уездного города, на возвышенном месте, стоит двухэтажный графский дом с великолепным садом, обнесенным каменной стеной. Вблизи на лугу у самой речки располагается село Погорелово с красивой церковью, выстроенною иждивением предков настоящего владельца, покоящихся в склепе под алтарем. В стороне от Погорелова, близ леса, возвышается винокуренный завод, извергая из себя массу дыма, величественно поднимающуюся к небу.

Граф — холостой человек, лет двадцати пяти. Он приезжает из Петербурга в свое имение редко и на короткое время. Но в последнюю весну он известил управляющего, что намерен провести в Погорелове целое лето, даже, если не помешают разные обстоятельства, остаться в своем имении навсегда, с целью поближе познакомиться с сельским хозяйством при помощи естественных наук, которыми он занимается в Петербурге. Граф упоминал также, что предстоящее лето он назначает на геологические экскурсии и, по случаю ученых занятий, будет вести уединенный образ жизни.

Это известие быстро разнеслось по окрестностям. Соседи помещики, особенно их жены и дочери, сильно приуны-

ли, увидав, что им придется почти отказаться от графского общества; тем не менее весь уезд, на всех вечерах, собраниях, даже при простой встрече, горячо толковал о предстоящих графских экскурсиях. Многие утверждали, что в настоящее время действительно ничего не остается делать, как заниматься естественными науками, ибо только с помощью естественных наук можно сколько-нибудь поддерживать упадающее сельское хозяйство, а между тем какому-нибудь геологу ничего не стоит открыть в любом имении если не груды золота, то, наверно, каменный уголь, железную руду или что-нибудь в этом роде. Один старый помещик рассказывал, что при императоре Павле в его имение приезжали немцы и предлагали ему огромную сумму денег, с тем чтобы он позволил им сделать ученые изыскания под его мельницей; но он на предложение немцев не согласился, надеясь сам заняться исследованием золотых россыпей, которые обличал металлический цвет воды в так называемом буковище.

Как бы то ни было, все решили, что граф жил в Петербурге недаром и что со временем своими учеными трудами он благодетельствует весь погореловский край. Впрочем, матери семейств в намерении графа заниматься науками в глуши, вдали от света, подозревали совершившийся в его жизни перелом: вероятно, шум столичной жизни надоед ему вместе с победами над великосветскими женщинами, и как бы поэтому граф не женился в деревне. Напротив, молодые замужние женщины в приезде графа в деревню видели зарю своего собственного возрождения: по их мнению, граф ни под каким видом добровольно не наденет на себя супружеского ярма и всего менее будет корпеть над

науками, особенно в летнее время, которое с большою пользою он может употребить на волокитстве за деревенскими belles femmes¹.

Гораздо практичнее смотрело на приезд графа низшее сельское сословие. Оно обдумывало, как бы приобрести от графа сад на лето, лужок или десятин пятьдесят земли; при этом иные решились предстать пред графом слегка пьяными, а иные даже помещанными; а сельский пономарь, изба которого стояла набоку, задумывал явиться к графу юродивым.

Между тем в имени графа поднялись хлопоты: в саду поправлялись беседки, оранжерея, грунтовой сарай; на реке строилась купальня; в доме красились стены и натирались полы. Управляющий приказал отборных телят и быков пасти на заказных лугах. Кучера задавали лишние порции лошадам, каждый день гоня их на корде.

В половине мая из Петербурга приехал повар с ящиками вин и разными кухонными принадлежностями; с ним присланы были также реторты, геологические молотки и большой микроскоп, купленный графом на какой-то выставке. Научным аппаратам отведено было место в особом флигеле, где находилась старинная прадедовская библиотека. Описывая дворовым людям, управляющему и конторщику петербургскую жизнь, повар счел нужным познакомить их с князьями, графами, у которых он служил, также с Дюссо и Борелем; при этом в виде назидания он сообщил им, что такое консоме-ройаль и де-ва-ляйль, шо-фруа, де-жибье и т. п.

¹ Belles femmes (*фр.*) — красавицами.

В первых числах июня приехал сам граф. Сельский причт явился поздравлять его с приездом. Одетые в новые рясы, с просфорой на серебряном блюде, священнослужители удостоились быть принятыми его сиятельством в столовой, где стоял завтрак с винами. После некоторых общепринятых фраз предметом разговора была железная дорога, Петербург, наконец, Париж, куда граф ездил недавно.

Граф был так любезен, что рассказал гостям кое-что про Париж.

— На стенах нет места, — говорил он, — где бы не было объявлений о театрах, концертах, гуляньях, балах; в зеркальных окнах торчат кабаньи морды, львы...

— Б-б-о-ж-же милосердый!

— Положительно весь Париж запружен увеселениями; в нем более тридцати театров.

Граф посмотрел на слушателей, вставив стеклышко в глаз.

— Вы едете по улице, мимо вас мелькают всевозможные надписи; там нарисован во всю стену черт, высыпаящий сюртуки, жилеты; там дикий бык на арене.

Гости вздохнули и переглянулись.

— Вот где нам с вами побывать, отец дьякон! — сказал священник.

— Что нам там делать? Это содом и гоморра.

— Именно, — подтвердил граф, — я с вами согласен.

— Надолго, ваше сиятельство, пожаловали к нам?

— Я намерен прожить здесь долго.

— Доброе дело. Нам будет веселей. А прихожане постоянно спрашивали про вас: скоро ли наш благодетель приедет?..

Часов в семь вечера граф сидел в кабинете за письменным столом. В дверях стоял управляющий, поглядывая на потолок и покашливая в руку.

— Ну-с, Артамон Федорыч, давайте с вами побеседуем о хозяйстве. Что же вы стоите? Садитесь.

— Ничего, ваше сиятельство: больше вырастем.

Граф указал на стул и повторил:

— Садитесь.

Управляющий повиновался.

— Во-первых, скажите мне: можно ли в наших окрестностях добыть костей?

— Отчего же?

— А серной кислоты?

— В небольшом количестве тоже можно.

— Вот видите ли, Артамон Федорович, — продолжал граф, откидываясь на спинку стула, — я хочу завести в своем имении рациональное хозяйство: на Западе, вы, я думаю, слышали, давно удобряют землю костями. Так не пора ли и нам взяться за дело? как вы думаете?

— Вы, стало быть, купоросным маслом хотите разлагать кости?

— Разумеется.

— Да ведь этот способ, ваше сиятельство, давно оставили.

— Как оставили?

— Потому он дорог и неудобен. Года два тому назад публиковали другой способ, может быть вы изволили читать в газетах: разлагать кости при помощи торфа, известки и золы дешево и сердито. Торфу, конечно, у нас нет, впрочем это не беда. Главное затруднение в том, что почве, которую вы желаете удобрять, надо сделать анализ.

– Еще бы! химический анализ непременно. Да вы, кажется, знаете химию?

– Какое мое знание! читаешь, случается, газеты, и остается кое-что в памяти.

Граф предложил управляющему сигару и объявил:

– Моя специальность минералогия. Вы знакомы с минералогией?

– Нет-с. Уж этого бог миловал.

– Например, вы находите где бы то ни было известный кристалл и не знаете, как он называется. Вам надо прежде всего определить, к какой системе он принадлежит? к тартроэдрической, сфенотриклиноэдрической или к другой какой-нибудь?..

Наконец, управляющий вышел. Граф прошелся по кабинету.

«Каков управляющий-то? Знает химию... я и не ожидал... Наконец, я и приехал, – рассуждал граф, садясь в темном углу на диване, – и не на один месяц, а может быть, навсегда...»

Как ни противен ему был Петербург за последнее время, тем не менее он мысленно перенесся на Невский проспект, объехал некоторые рестораны, посидел во французском театре, где шла «La belle Helene», полюбовался в цирке на эволюции любимой акробатки, из цирка заехал к Дюссо ужинать и, наконец, отправился к «Hotel de Franse», где была его квартира. Ему казалось, что теперь все его петербургские знакомые подтрунивают над ним и спрашивают:

– Куда он девался?

– Говорят, уехал в деревню... и навсегда!..

– Какой ужас! Что же он там будет делать?

– Вероятно, слушать волков...